

Рецепция Шекспира в творчестве Жуковского*

Н. В. ЗАХАРОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

В статье рассматривается опыт освоения шекспировского наследия В. А. Жуковским. На первый взгляд может показаться, что Шекспир оставил слабый след в оригинальных произведениях Жуковского по сравнению с влиянием Шекспира на творчество Карамзина и младших современников Жуковского (Кюхельбекера, Пушкина и др.). Тем не менее поэтический опыт Жуковского подготовил русскую поэзию к работе над переводами Шекспира, оказал воздействие на процесс шекспиризации и формирование шекспиризма в русской литературе на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Шекспир, Жуковский, шекспиризация, шекспиризм, культ Шекспира.

The Reception of Shakespeare in V. A. Zhukovsky's Creative Works

N. V. ZAKHAROV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article examines the experience of Shakespeare's legacy studies by V. A. Zhukovsky. At first sight in comparison with Karamzin's and his younger coevals' (Kuchelbecker, Pushkin et al.) creative works Shakespeare had somehow weak influence on the original works by Zhukovsky. Meanwhile, his poetic experience prepared the Russian poetry for the work on translations of Shakespeare and had impact on the process of Shakespearisation and formation of Shakespearianism of the Russian literature at the turn of the XVIII–XIX centuries.

Keywords: Shakespeare, Zhukovsky, Shakespearisation, Shakespearianism, the cult of Shakespeare.

Вслед за Н. М. Карамзиным В. А. Жуковский был почитателем творчества Шекспира в России рубежа XVIII–XIX вв. Его опыт освоения шекспировского наследия представляется особенно интересным. С одной стороны, в собственном художественном творчестве Жуковского шекспировский гений отразился практически незаметно. С другой стороны, постоянное общение Жуковского с младшими современниками, учениками и друзьями, среди которых царил культ Шекспира, не могло не оставить следа в художественно-эстетическом мировоззрении русского поэта.

Знакомство Жуковского с творчеством Шекспира и других английских поэтов могло произойти в пору его пребывания в Мос-

ковском университетском благородном пансионе (1797–1800) и участия в Дружеском литературном обществе (1800–1801) (Дмитриев, 1999: 117).

Косвенным свидетельством того, что студенты Университетского благородного пансиона были знакомы с творчеством великого драматурга, может служить то, что имя Шекспира употреблялось ими в качестве нарицательного. Так, в воспоминаниях младшего современника Жуковского М. А. Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти» (1854) «нашим Шекспиром» назван поэт и драматург Николай Васильевич Сушков. Конечно, нарицательный характер подобного сравнения мог возникнуть и позже, но употребление имени Шекспира в нарица-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, грант № 08-04-12128 в).

** Захаров Николай Владимирович — доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, академик МАН (IAS, Инсбрук). Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: nikoltine@yandex.ru

тельном смысле было свойственно и самому Жуковскому. Так, П. А. Вяземский вспоминал о том, что в часы досуга Жуковский любил поупражняться в «гениальном вранье» и ценил такую способность в других: «В нашем обществе был молодой человек, который также превосходно отличался по этой части. При встречах с ним он вызывал его на импровизацию и на представления в лицах какой-нибудь комической сцены. Он заслуживался его, любовался им и, в восторге вскрикивая, помирал со смеху: да ты просто Шекспир!» (Вяземский, 1999: 205). Большая подборка шутливых стихотворений, написанных в селе Долбино осенью 1814 г. («долбинская осень», «долбинские стихотворения»), была опубликована П. И. Баргеновым (Русский архив, 1864. № 10. Стб. 1005), но кто этот молодой приятель Жуковского, установить не удалось.

Определенное влияние на эстетические взгляды Жуковского мог иметь талантливый литератор А. И. Тургенев (1781–1803). Этот рано ушедший из жизни переводчик Шекспира, Шиллера и Франклина писал о своем товарище в 1802 г.: «...окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо!» (цит. по: Веселовский, 1904: 50).

Впрочем, понимание истинной художественной ценности творчества Шекспира пришло к нему не сразу (см.: Жуковский, 1985: 80–81, 133, 151). В том же 1802 г. Жуковский выступил с критикой «Макбета» Андрея Тургенева и советовал опустить из его перевода фантастические сцены с ведьмами, места о «пузырях земли». Автор посчитал работу над переводом неудавшейся и уничтожил его.

Несмотря на критическое отношение к шекспировской фантастике, спустя десятилетие Жуковский сам увлекся этим жанром. В «Светлане» (1812) он обратился к теме святочных гаданий, с «Зимней сказкой» Шекспира связаны и отдаленные переключки с темой жизни-сна и смерти-воскресения в указанной балладе. В то время когда Жуковского обвиняли в увлечении заморскими ведьмами и чертями, он, напротив, погружал читателя

в атмосферу народных обычаев. Нападая на Жуковского в 1824 г., шекспирист Кюхельбекер вынужден был признать: «Печатью народности ознаменованы какие-нибудь 80 стихов в «Светлане»...».

В оригинальной балладе «Эолова арфа» (1814) поэт развивает тему «запретной любви» («Алина и Альсим» и «Эльвина и Эдвин»). В целом она восходит к традиции «оссиановской» поэзии (см. «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона, 1762–1765), но любовный диалог Минваны и Арминия напоминает сцену прощания Ромео и Джульетты из одноименной трагедии Шекспира (3-й акт) (см.: Семенко, 1959: 458):

Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок». —
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах». —
«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов». —
«О нет! встрепнулись
Дремавшие пташки на ветвях кустов». —
«Заря уж багряна». —
«О милый, постой». —
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»
(Жуковский, 1959–1960: Т. 2: 75–76)

Примечательна характеристика «Эоловой арфы», которую дал Белинский: «...она — прекрасное и поэтическое произведение, где сосредоточен весь смысл, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского» (Белинский, 1953–1959: Т. 7: 171).

Есть шекспировские аллюзии и в переводе Жуковским трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева» («Die Jungfrau von Orleans», 1801), над которым он работал в 1817–1821 гг. Жуковский перевел трагедию Шиллера с некоторыми сокращениями и изменениями, например английский военачальник сэр Джон Фальстаф (1377–1459) становится *Фастольфом*. Для нас существенно другое: Жуковский следует за немецким драматургом

в сцене «испытания» Орлеанской девы, которую тот почти целиком позаимствовал из хроники Шекспира «Король Генрих VI» (ч. 1, д. I, сц. II) (см.: Измайлов, 1960: 531–536). Так, благодаря посредничеству немецкого романтика, русский поэт передает одну из ключевых сцен шекспировской хроники, попутно восстанавливая, возможно, им самим не осознанную связь с произведением, которое повлияло на шиллеровскую драму.

Племянница Жуковского Мария Протасова вспоминала, как в 1822 г. под руководством поэта они вслух читали Шекспира и Гёте в Муратове, в родовом имении Буниных.

К. К. Зейдлиц приводит следующие сведения, относящиеся к общению Жуковского с немецким шекспиристом Людвигом Тиком во время пребывания в Дрездене в 1821 г: «В первое же свидание Жуковский немного поспорил с хозяином по поводу Шекспирова “Гамлета”, который казался нашему поэту непонятным чудовищем и в котором, казалось ему, Тик и Шлегель находят более собственное богатство мыслей и воображения, нежели Шекспирова» (В. А. Жуковский в воспоминаниях современников, 1999: 62). На это суждение Тик ответил Жуковскому: «Но в том-то и привилегия гения, что, не мысля и не назначая себе дороги, по одному естественному стремлению, — вдруг он доходит до того, что другие открывают глубоким размышлением, идя по его следам; чувство, которому он повинует, есть темное, но верное; он вдруг взлетает на высоту и, стоя на этой высоте, служит для других светлым маяком, которым они руководствуются на неверной своей дороге» (там же: 63). Желая привлечь внимание Жуковского именно к изобразительной силе таланта Шекспира, Тик читал ему вслух «Макбета», особенно ужасные сцены (возможно, те самые, которые русский поэт призывал изъять из перевода своего друга). Но наш поэт и тут нашел, что в сравнении с чтением своего знакомого А. А. Плещеева (1778–1862) Тик не настолько владеет выражением эмоций и мимикой. Жуковскому больше понравилось чтение Тиком шекспировской комедии «Как

вам угодно», и он заключил, что немец лучше владеет исполнением комических пьес, нежели трагедий: «Но Плещеев, кажется мне забавнее, может быть потому, что комическое французам ему более знакомо, нежели Шекспирова. Французы прекрасно изображают странное, смешат противоположностями, остротой или забавностью выражений; Шекспир смешит резким изображением характеров, но в шутках его нет тонкости, по большей части одна игра слов; они часто грубы и часто оскорбляют вкус. Сверх того, Тик, как мне кажется, дошел до смешного искусством: его характер более важный, нежели веселый» (там же).

В начале 1821 г. поэт еще смотрит на драму Шекспира с точки зрения французских классицистов. Так, запись в одной из тетрадей, которую поэт сделал для занятий с великой княгиней Александрой Федоровной, представляет, по мнению исследователей, конспект из работ зарубежных авторов по истории литературы и собственные выводы Жуковского, где он дает гуманистическую трактовку творчества великого драматурга: «Шекспир не классический писатель в том смысле, как Софокл; не имеет отделки, но верный изобразитель природы и жизни, без принуждения — без всяких теорий. В его творениях сперва человек, потом гражданин или герой» (см.: Библиотека Жуковского в Томске, 1984. Ч. 2: 210). Возможно, что после плодотворного общения с Л. Тиком Жуковский стал более внимательно относиться к творчеству Шекспира. В его зрелом творчестве английская литература уступает место, пожалуй, только немецкой, но размышления о ней он выносил за рамки творчества. Вероятно, в творческие планы Жуковского входила работа по переводу Шекспира. В библиотеке поэта есть список, сохранившийся на форзаце одной из книг, который, скорее всего, указывает на творческие планы Жуковского:

«Из Мильтона
— Шекспира — Макбет¹. Отелло.
— Томпсона —
— Попа

- Голдсмита. Desert<ed> vill age
- Валтер Скотта. Татий
- Байрона — Манф <ред>.
- IV Песнь. Сон.
- Мура
- Саути — Родриг
- Вордсворта — The travail
- Крарба — »

(там же: 484).

Жуковский перевел с немецкого и английского языков многих поэтов-романтиков и предромантиков. Любимыми произведениями немецкой литературы были греческие баллады Уланда и Шиллера. Их переводы, выполненные Жуковским, стали такой же неотъемлемой частью отечественной классической литературы, как, собственно, и в родной Германии. Но особенно знаменательны в зрелом творчестве русского поэта переводы из английских авторов: «Торжество Александра» Драйдена, две «Элегии» Томсона и Грея, «Королева Уррака» Саути, «Иванов вечер» В. Скотта, «Пери и ангел» Мура, «Уллин и его дочь» Кемпбелла и «Шильонский узник» Байрона. Мастерство Жуковского-переводчика, его безупречное владение русским стихосложением сыграли ключевую роль в популяризации творчества английских современников. А его переводы В. Скотта, Байрона, Саути, Кемпбелла, Мура и вовсе превосходят оригиналы. По крайней мере, благодаря переводческому таланту Жуковского, для русской поэтической традиции эти произведения значат больше, чем родной английской.

В связи с этим можно только пожалеть, что замысел перевода шекспировских трагедий «Макбет» и «Отелло» так и остался несуществующим.

После 1830 г. поэт постепенно отходит от деликатной изящности в поэтической речи, которой восторгались его поклонники. Подобно Пушкину, он все более склоняется к некоторой прозаизации стиха, что вызвало у современников неоднозначную реакцию. О его новом стиле стихосложения стали говорить «beau somme de la prose» (прекрасен

как проза). Почти все поздние произведения Жуковского написаны белым стихом и гекзаметром.

Незадолго до смерти В. А. Жуковский писал (7 декабря (стар. ст.) 1851 г.) своему верному другу Плетневу, чтобы тот передал А. Н. Майкову: «Скажите от меня Майкову, что он с своим прекрасным талантом может начать разряд новых русских талантов, служащих высшей правде, а не материальной чувственности; пускай он возьмет себе в образец Шекспира, Данте, а из древних Гомера и Софокла...» (цит. по: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников, 1999: 478). Плетнев исполнил волю товарища, о чем успел сообщить последнему: «Майков оживотворен тем, что вы о нем ко мне писали. Я с ним прочитал вместе вашего «Лебедя», и он в восторге от него» (там же). Здесь имеется в виду не «Эйвонский лебедь», как иногда называли Шекспира современники (Бен Джонсон, 1623), а стихотворение Жуковского «Царскосельский лебедь» (1851), в котором поэт называет себя «пращуром лебединым»:

Но не сетуй, старец, пращур лебединый,
Ты родился в славный век Екатерины².

Смысл образа Жуковский раскрыл в вышеупомянутом письме к Плетневу: «Чтобы заплатить вам чем-нибудь за ваши хлопоты, посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебеда, которого я знал во время оно в Царском Селе. Об нем я вспомнил, увидя в Бадене великую княгиню Марию Николаевну, которая была для меня явлением Руси на чужой стороне. Мне хотелось просто написать картину Лебеда в стихах, дабы моя дочка их выучила наизусть; но вышел не просто Лебедь. Посылаю его вам. Может быть, в стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какую страдал описанный им Лебедь. Во всяком случае, прошу принять благосклонно эту лепту вдовицы» (там же: 433).

Поэтический опыт Жуковского, несомненно, подготовил русскую поэзию к переводам Шекспира, оказал влияние на процесс

шекспиризации и формирование шекспиризма в русской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кюхельбекер предлагал Жуковскому перевести эту пьесу в 1825 г.

² Императрицу Екатерину II поэту довелось видеть только единожды, будучи пятилетним мальчиком на приеме в Зимнем дворце.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский, В. Г. (1953–1959) Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР.

Библиотека Жуковского в Томске (1984) Ч. 2. Томск.

В. А. Жуковский — критик (1985) / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Ю. М. Прозорова. М. : Сов. Россия.

В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. (1999) / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М. : Наука.

Веселовский, А. Н. (1904) В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.

Вяземский, П. А. (1999) Из «Объяснений к письмам Жуковского» // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М. : Наука.

Дмитриев, М. А. (1999) Из книги «Мелочи из запаса моей памяти» // Там же.

Жуковский, В. А. (1959–1960) Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Гослитиздат.

Жуковский, В. А. (1985) Эстетика и критика. М. : Искусство.

Измайлов, Н. В. (1960) Примечания // Жуковский, В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Гослитиздат. Т. 3.

Русский архив (1864) № 10. Стб. 1005.

Семенко, И. М. (1959) Примечания // Жуковский, В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Гослитиздат. Т. 2.

**Авторефераты диссертаций, защищенных докторантами и аспирантами
Московского гуманитарного университета**

Гайдин, Б. Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «Гамлетовского вопроса») : автореф. дис. ... канд. филос. наук (09.00.13) [Текст] / Гайдин Борис Николаевич. М., 2009. 17 с.

Косинова, О. А. Традиции российского педагогического зарубежья на территории Китая в конце XIX — первой половине XX века : автореф. дис. ... д-ра пед. наук [Текст] / Косинова Ольга Анатольевна ; 13.00.01 — общ. педагогика, ист. педагогики и образования. М., 2009. 40 с.

Мошняга, П. А. Особенности глобализации культуры в Японии (философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Мошняга Павел Александрович ; 09.00.13 — религиоведение, филос. антропология, философия культуры. М., 2009. 18 с.

Низаев, М. А. Понятие «свобода воли» в христианстве и исламе : автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Низаев Михаил Александрович ; 09.00.13 — религиоведение, филос. антропология, философия культуры. М., 2009. 23 с.